

что за манера сванивается на ману
шюбу? Как это всё надо понимать? - три-
четыре голоса спросила Софья Яковлевна,
указывая на группу. Пошла она
повернувшись и маленьким материнским
чубчиком вздыхала на спящего Митю.

- Из всего сказанного в артистике на
театральном поприще, что без меры, без про-
порций это дело не отойдет, как
Гудит разливает собития дальше, ска-
зание театральное. Скажи одно: Советская
власть ни когда и ни когда не свернется.
В этом же Ковалюкота уверена, только
уверена.

- Я верю Вам Иван Григорьевич, мне и
Яков говорил об этом, но мне страшно
этих вопросов. Сколько старик,
тщетно ждет не встает на великом шуре.
О, как востанки я 1919 год, Сердце зали-
вает.

В комнате вошел Яков Андреев,
улыбка в глазах.

- Черт возьми! Как востанки она-
ло, Бернер от куда она появилась, а вот
теперь - теперь. Но вот-вот скоро де-
тина взойдет дурно. Момент Бернер разго-
лит театр и будет сломано.

- Вот здесь всё происходит, что
надо, а вы знаете вот с этой стороны,
я её проперю отсюда и обратно
отсюда тоже.

— Хорошо! — сказал Яков Андреевич, он взял вилочку, проверил зарыв; когда обонял порохом, взял суну с матушкины и вместе с Иваном Пироговым вышли из дома.

— Я провожу вас до ворот, — сказала Софья Яковлевна, надвинула на себя теплую шаль и вышла.

К воротам только, что подходит Сабба Григорьевна, еще верная ей коня.

— Поздравляю, — невольно сказал Яков Андреевич, — а ты матушке буди отпаритки.

Она трем трем пошла коней и спрыгнула во тьме темной дворовой калитки. Потом лошадины концы удалились все дальше и дальше. В отдалении ветер был сильный и шел черною тучей, сквозь которую с трудом проглядывало луна. Но она все же светит, то скрывается, то высовывается, как бы торжественно освещая садниками дорогу, но тучи заслоняли ее лицо и то давали о себе знать на земле.

Софья Яковлевна, казавшаяся теснее к воротам, еще долго стояла, как бы в ожидании, всматриваясь в темноту конной тьмы и тревожно прислушиваясь к всадникам, ехавшим вдаль реки Сидры. Порывистый ветер срывал с ее головы шаль. Проводил

волос, раздуваемые ветрами, заслоняли
лицо. Задели руки, из-за них не удержи-
лось катилась слеза.

IV

Мимолетная стрелка сравняла
скасовой. Маленький молоток,
старинных египетских часов, два два
мощахти ударов.

— Вот и полтора, а не всё ещё нет.

Да, Дмитрий да Вернушка все же легче было бы
на душе и спокойнее сердцу, — тихим, печаль-
ным голосом говорила Солома Яковлевна,
отлокотившись руками на отки и с боком в
спинку взглянула на спящего Митю. Что
покажила лобину и еще долго сидела, блеще-
но смотрела в окно, не замечая, как на ее
руки, все чаще и чаще падал мерный свет
пробивавшийся сквозь твердые туши голых
ветвей. За воткнулся старинный сани
фрод, ухававший в Боровлянико Вестни-
тль. « Боровлянико, дорогое мое да
как та дачка от дель. Благотворное да
Вернушка дель » — беззвучно и с легкой
говоряла она продолжая смотреть в окно.
Вот она вдруг закрыла лицо салфеткой
и громко зашмыкала.

Миника то остиглася, протерезага и
отпочина!

— Мама ти зге?

— Згесе я сьмак.

— Ты не аресе?

— Так, не монко.

— А Мама зге?

— Чезаи.

— Кура си чезаи?

— Да, тужи не гачако, с пово везелесе.

Мужо ка ко мне сьмак, едгесе еси ои
ржаго, дидеи еси отперте в око.

— А чрво маи тмао?

— Так, поаотрпни, как тужи то боду
павелт, как лугеа прехете за тужи.

Вок. Визуеи? Ома еси отперт ма кас.

Ох, еспртамале. Омаи еси отперт, омаи
спртамале. Интересесе?

— Да, интересесе.

— Давай еси отперте, а омаи маи
отей поуредети к вожотам, еспре-
чарте податиме.

— А с котротои еспротаи си рожте-
гем? с твоя или с твоя?

— Казмаи.

— Мама, я биду в твоя око еси от-
перте, а ма в твоя еси отперт. Радно?

— Радро, еси отперт, — касово скатано
Соломаи Яковлево, поаотрпал Миника
в доТ.

Миника сел ка павицу, едгесе пово туж

себя, облокотился на подоконник и встал.
мелко ковыляя выторопил в окно.

— Вот, там кто-то идет.

— Где?

— Ах, около ворот Европа Александровна. Выходит?

— Это наверно Иван Андреевич, он
облачился вернувшись.

— Он тоже не спит?

— Да, не спит.

— Сидит-ка, сидит-ка сиди! Вот,
там сидит Верочка на койке. Это наверно
Клима Пята. Боженька Верочка! — зачу-
тнула Манера, выскриваясь ступилками
на нос.

— Обойдем ей дом. Обойдем по хоро-
му, это по ей, — дрожащим шлоном про-
говорила Софья Яковлевна

— А кто?

— Вот поведут по улице, расселится
и уйдет кто, — она пошла к
Мирке, пригласив его вонючу к своей кровати,
показавшая и раскумаренное сказание! —
Откуда свенок от окна, еще вот тут
на сиденье, а одна дуду сидит. Звез-
дос дружок. Дружок пухи и все тело
трещало как от сильного холода.

— Это Манера зашевелил, так дрожит?

— Так, не спит, что-то холодно ему

— Сидит-ка, сидит-ка сиди! И
мне в рукав какие-то думные пухи.

Зачем они их взяли?

— Не знаю, кто их взял, не знаю.

— Мама! Они подозревают, что мы им
вернем. Ой, извините, я забыла.

— Я тебе сказала, что бы ты пришла, на
прощание с мамой.

— Мама, я боюсь! Давай спрячься.

Соловья Яковлева отшатнулась от
отца, взвизгнула на Митю и бегом скакнула
к маме на кухню, бессильно повиснув на стуле.
Она приоткрыла дверь (ушла), чтобы снова
видеть, что бы не произошло.

Защелкнула похлопала к воротам. Ступи-
цы с копей и твое из них подошли к па-
литке. Попробовали оторваться, но податли-
вы. Они слышали плачи восточных и
перепрыгнули в двор. Валентина с визгом
пала на не просыпавших и гостей. Вот он
кажется по дурному тавнице и сразу же
бандиты по отпавшимся маме ступили
в двор.

— Отправь! — крикнул один из банди-
тов, кричал тысячной драгой.

Два взвились за стоду и с удивительной силой
рванули дверь. Протиски, выйдя, что дверь
не подается, начали бить по площадке
внутри, дверь разлетелась.

— Кто еще в доме? отбегайте!

— Отбегайте! Иначе стрелять будем!

Крикнул ~~бандит~~ бандиты в одну залу.